

СЕРИЯ: РЕДАКТОР КАЧАЛКИНА

ТЕКСТ: ПРЕЖДЕ ЧЕМ
СДОХНУТЬ

АВТОР: АННА
БАБЯШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО: РИПОЛ КЛАССИК

Редактор Качалкина

Анна Бабяшкина
Прежде чем сдохнуть

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Бабяшкина А.

Прежде чем сдохнуть / А. Бабяшкина — «РИПОЛ
Классик», 2016 — (Редактор Качалкина)

ISBN 978-5-386-09264-1

«Прежде чем сдохнуть» – это полужанровый роман о тех, кому сегодня 30–40 лет. Точнее, о том, какими эти люди станут в почтенном возрасте. Действие происходит в 2039 году в подмосковном пансионе для стариков, куда прибыли проживать «вторую молодость» вчерашние сливки «креативного класса». Анна Бабяшкина: «Этот текст – попытка представить, какими мы (я и мои ровесники) станем, когда доживем до старости. За что нам будет стыдно? Чем мы будем гордиться лет через тридцать и о чем жалеть?»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-386-09264-1

© Бабяшкина А., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Об авторе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Бабяшкина

Прежде чем сдохнуть

© Бабяшкина А., текст, 2016

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Об авторе

Роман Анны Бабяшкиной дождался возможности быть изданным много лет. Лет пять, если я ничего не путаю. Анна – успешный журналист, автор «СНОБа», участник премии «Дебют» и главный редактор читательского проекта Readrate.com. Когда мы с Анной впервые встретились в другом издательстве и обсуждали проект книги, она показалась слишком рискованной, и выпуск романа отложили до лучших времен.

Написанный на, казалось бы, изначально сложную и болезненную тему отношений детей с родителями, оказавшимися в доме престарелых, текст вдруг оборачивается парадоксально жизнерадостным детективом, в котором главная героиня ведет себя как иная сексапильная Мисс Марпл, расследующая преступление и мечтающая написать об этом книгу.

Действие «Прежде чем сдохнуть» отнесено в еще не наступившие тридцатые годы нашего века – это художественная условность, обман, направленный на то, чтобы заставить читателя расслабиться, мол: какая разница, если дело происходит не здесь, не с нами и не сейчас? Но в том-то и хитрость такого приема, что всё происходит как раз здесь, сейчас и с нами.

Здесь и сейчас мы боимся стареть и стать никому не нужными (в первую очередь, конечно, самим себе). Здесь и сейчас хотим добиться справедливости хотя бы по мелочам, не рассчитывая на что-то глобальное. Здесь и сейчас любим и ждем, что кто-то полюбит нас, несмотря на то что кредит любви, казалось бы, исчерпан с годами...

Бабяшкина создала удивительно светлый и одновременно жесткий роман о современной немолодой женщине, в которой сочетаются ирония и романтика, сила и слабость, а еще она способна принимать волевые решения и отвечать за их последствия. Будет ли 2039 год таким, каким его описала Бабяшкина, не знает никто. Но я рискну предположить, что в свои пятьдесят семь сама была бы не прочь оказаться в таком доме престарелых, какой она описала в романе...

Ваша Юлия Качалкина

Подмосковье, 2039 год, сентябрь

Наконец-то в свои шестьдесят я села писать свою первую книгу. Я мечтала об этом всю жизнь, но все как-то обламывалась. И вот, прежде чем сдохнуть, я наконец нашла время, чтобы осуществить Мечту Всей Своей Жизни – написать четыреста тысяч знаков связного текста «от себя самой». Про то, что мне на самом деле хотелось бы написать, а не про то, что хотят прочитать главный редактор и рекламодатели (по-моему, им одним был интересен тот трэш, который писала я и другие «журналисты» во всех СМИ, в которых мне довелось работать в эти нудные и долгие годы, которые я теперь пафосно называю «деланием карьеры»).

Так вот, прежде чем сдохнуть, я, вполне себе годно сохранившаяся тетка семьдесят девятого года рождения, еще помнящая жизнь без мобильных, Интернета, Путина и электромобилей, сажусь за компьютер и с чувством глубокого удовлетворения набиваю в Word название своего «открывающего новый этап в моей жизни» романа «Прежде чем сдохнуть». А компьютер тут же подчеркивает слово «сдохнуть» волнистой зеленой линией и сообщает, что оно не может быть употреблено в тексте. И (в скобках) делает допущение: если только речь не идет о животном.

Речь идет обо мне и моих соседях по дому престарелых, поэтому слово сдохнуть вполне допустимо.

Мы стали первым поколением стариков, которое дети массово сдали в дома престарелых и забыли там навсегда. Глупо искать причины, почему слив предков в эти недокладбища перестал считаться чем-то позорным и крайне неэтичным среди наших детей. Мы рожали их нехотя, в последний момент перед климаксом, сожалея о том, что «теперь придется снимать двушку вместо однушки» и «лишний раз не съездишь за границу». Конечно, потому что мы их любили. Не любили и не хотели мы их только до рождения, а после очень даже трепетно относились: нанимали им няnek, покупали телевизоры с большим экраном, чтобы они получали большее удовольствие от мультиков, и даже иногда позволяли играть на родительском айпаде. У нас выросли хорошие дети с большим будущим. Просто в наше технологичное время куда как рациональнее поместить стариков в одном месте – поблизости от тех немногих людей, которым не брезгливо терпеть старческую капризность и слушать шарканье шлепанцев. Они заботятся о нас, а мы живем в своем сжатом до размеров пионерлагеря стариковском пространстве совсем так, как и хотели жить всю жизнь: без проблем, без обязательств, без работы, предоставленные сами себе и друг другу. Совсем как в передаче нашей молодости – реалити-шоу «Дом-2». Хотя, конечно, всю жизнь мы мечтали совсем о другой старости.

Но сейчас нам, как в самой ранней юности, уже не надо ни о чем заботиться: ни о том, как получить повышение зарплаты, ни о том, как купить квартиру в Москве, ни о том, с кем оставить ребенка, когда тебя вызывают в выходные на работу, ни как разделить имущество при разводе. Каждый предается тому, чем мечтал заниматься всю жизнь. В основном среди мужчин это компьютерные игры нон-стоп и просмотр спортивного канала, а среди женщин – запойный просмотр сериалов, чтение, охота за мужчинами и маниакальная забота о внешнем виде (мы стали первым поколением старушек в стрингах, эпилирующих зону бикини и маринованных в солярии).

Я включилась в нашу пансионную жизнь с энтузиазмом неопита. В конце концов, одиночества мне хватило в те три года, пока сыну не удавалось доходчиво объяснить мне преимущества жизни в пансионе и доказать, как необходима им (ему и его герле) моя квартира. Впрочем, данное им образование пошло впрок, и они таки смогли найти веские доводы и убедительные слова.

И вот я здесь уже почти четыре месяца. И наконец пишу ту самую вожделенную книгу, которая не появилась бы, не окажись я в этом специфическом местечке. Здешние старухи дарят меня богатейшим жизненным материалом. Думаю, ни одна из них не будет рада, когда увидит мой текст напечатанным. А одна, я подозреваю, могла бы, пожалуй, и убить. Несмотря на перечисленные сдерживающие факторы, я все-таки пишу эту книгу. И так слишком от многих поступков в жизни я отказалась из страха. Нередко, как обнаруживалось впоследствии, опасения мои были изрядно преувеличены. Надеюсь, и в этот раз я переоцениваю размеры нависшей надо мною опасности и очкую без повода.

Но не буду забегать вперед и начну с самых первых дней моей жизни в пансионе...

Подмосковье, 2039 год, май

Всю ночь накануне я плакала. Все утро боролась с результатом ночных слез – опухлостями вокруг глаз – с помощью чайных пакетиков. Всю первую половину дня пыталась смыть желтые круги от заварки вокруг глаз и запудрить их. Но от пудры лишь явственнее проступали морщины, и ее пришлось смыть и ехать как было. Так я стала Очковой Змеей. О том, что в первый же день пансионеры дали мне такое прозвище, я узнала лишь через неделю. «Ну и пусть! – думала я. – Подумаешь, один раз морда была не ахти. Зато у меня задница пока вполне еще ничего, по крайней мере, свою прямую функцию выполняет

исправно». К тому же у меня сохранилась пышная, как искусственная ель, шевелюра «ежиком», которую очень красил темно-каштановый Color Creme. Шейный платок, в котором я всегда появлялась на людях, придавал мне пикантность и ловко маскировал шрам от операции на щитовидке. Грудь у меня никогда много не было, но лифчик вандер-бра я всегда могла себе позволить, так же как и утягивающее белье. К тому же с юности я научилась держать спину так, как будто бы от плечей, через лопатки и до задницы у меня был натянут эспандер, не дававший мне позорно скрючиваться и ссутуливаться. Словом, для своих шестидесяти я выглядела как свеженький ментоловый леденец.

Мы въехали на залитую асфальтом территорию пансионата. Сын и невестка с энтузиазмом перетаскивали сумки из машины в мою комнату. Со словами «С новосельем!» вручили мне довольно облезлого плюшевого кота, «чтобы не скучала», и укатали в Москву. В тот же вечер были назначены просмотры моей квартиры потенциальными съемщиками. Предполагалось, что в пансионате «на природе» (за этим красивым оборотом скрывалось «в двухстах километрах от Москвы») я проведу лишь три летних месяца. «Мама, это так полезно для твоего здоровья!» – говорил мне сын. А если мне не понравится, то осенью я снова вернусь к себе в Москву. Конечно же все, кроме меня, были заинтересованы в том, чтобы этого не случилось. Так мне казалось...

Я не собиралась вступать в тесные отношения с другими пансионатами. Друзей у меня уже давно не было, и я научилась жить без них – у меня был мой Интернет с анонимными онлайн-собеседниками, мои книги и фильмы. К тому же эти три месяца на природе я собралась провести в работе над Своей Первой Книгой. Соловьи, поля, тополя, как я думала, наконец подарят мне вдохновение, которое что-то никак не снисходило до меня в Москве. Дома я уже начала десятков книг, но ни одну из них не смогла дописать до конца – каждый раз появлялись более гениальные замыслы или более неотложные дела (киста, щитовидка, катаракта). Да и просто хотелось отдохнуть. «Теперь – самое время и место», – решила я.

Полей и тополей рядом с пансионатом не оказалось, зато из окна был виден щербатый асфальт, давно не стриженные акации и обложенная битым кирпичом клумба, на которой пробивалась какая-то нежная зелень с малиновыми прожилками. Издалека сладко тянуло хвоей и навозом. Как оказалось, в километре был коровник. Но зато в ста метрах от пансионата – озерцо с низкими заболоченными берегами и деревянным мостком.

Снисходить до общения с пансионатами мне не хотелось еще и потому, что пансионат был из недорогих и я не могла рассчитывать встретить здесь людей своего круга. Я же привыкла вращаться среди людей идейных, креативных, творческих и безбашенных – все-таки бывший журналист центральной прессы. В такую пердь и за такие деньги, как я предполагала, ссылаются неудачники, которые мало зарабатывали всю жизнь и даже не смогли дать своим детям высшее образование. Себя я считала нелепым исключением – негосударственный пенсионный фонд, в который переводилась страховая часть моей пенсии, к несчастью, лопнул. Страховая (большая) часть пенсии, которая перечислялась туда чуть ли не всю мою жизнь, благополучно пропала (хотя сын считает, что еще не все потеряно, и продолжает с кем-то там судиться за мои деньги), и в результате я сейчас получаю такое же денежное пособие, как если бы никогда не работала. Собственно, эта неприятность и стала одной из причин, по которой сын и настоял на моем пребывании в пансионате «Кургань» и сдаче в аренду моей квартиры. (Конечно, главной причиной была забота о моем здоровье.)

Впрочем, как выяснилось позже, я совершенно напрасно опасалась, что я одна такая умная среди бедных. Оказалось, что полпансионата забито людьми, про которых я или читала, или слышала от знакомых, то есть людьми моего круга, которые точно так же не рассчитывали, что доживут до старости, и безоглядно транжирили бабло в молодости, надеясь, что

если они и дотянут до шестидесяти, то дензнаки в этом возрасте будут братья откуда-то сами собой. То есть они тоже ничего не скопили на старость. Выяснила я это уже через пару дней жизни в казенном доме, и это реабилитировало мою самооценку.

К ужину (19:00 по расписанию) я вышла холодна и бесстрашна. Я надеялась, что всем также насрать на меня, как мне на всех. Навстречу мне девица в бесстыжем белом халатике прокатила тележку с тарелками. «Я бы тоже хотела получать ужин в номер», – остановила я ее. «Но вы же пока ходите?!» – смерила она меня взглядом. Не стала отвечать на это хамство. «Пока» – так «пока», в столовую – так в столовую.

Я напрасно надеялась, что всем на меня насрать. Какая-то женщина, очевидно из местного начальства, решила меня представить публике. Прямо как новую ученицу классу. Она быстро высмотрела в зале мое (незнакомое ей) лицо, довольно чувствительно схватила за руку и закричала в зал: «Господа! Обратите внимание! У нас новое поступление – Софья Аркадьевна Булгакова, 1979 года рождения, известный журналист, которая, как сказал нам ее сын, мечтает написать роман!» По залу пронесся смех, который я отнесла на счет манеры говорить этой шумной девки. Я всегда знала, что у нынешней молодежи нет чувства языка, но что у нее нет и чувства такта – впервые так сильно бросилось мне в глаза.

– Может, ты еще и мою медицинскую карту считаешь? – тихо, но вполне злобно прошипела я.

– Вы, кстати, еще не сдали вашу медицинскую карту в нашу медсанчасть! – ответила работница пансиона. – Ну, ничего, сдадите завтра. Берите же ваш ужин, пойдемте, я волью вас в коллектив.

Жрать в компании этой девицы мне совершенно не хотелось, но я зачем-то потащила за нею со своим подносом.

– Сейчас я посажу вас к нашей знаменитой Алле Максимовой! – прочавкала девка, уже успевшая что-то засунуть в рот. – Она у нас в пансионе первая писательница.

Первая писательница, изогнувшись над тарелкой, как коктейльная соломина, меж тем перебирала три стручка спаржи и тарачилась на меня отнюдь не дружелюбно.

– Такты, Сонечка, тоже пишешь? – сверкая фарфоровыми зубами, спросила она.

На эту оскорбительную «Сонечку» надо было срочно ответить не меньшим оскорблением.

– Да, котик! – улыбнулась я в ответ так широко, чтобы все увидели, что у меня-то, в отличие от некоторых, пока вполне годно сохранились собственные зубы. Пусть и прокуренные до желтизны, но свои.

– Алла у нас – самый тиражный писатель в пансионе, – гордо сказала девка, функция которой в этом заведении по-прежнему оставалась мне неясной. – Ее рассказы чаще всего распечатывают другие члены комьюнити. Она так увлекательно пишет, что наши мужчины решили сделать ей личный сайт, чтобы и другие люди могли скачать ее романы! – продолжала услужливо обсирать Максимову девка. – И мы это очень поддерживаем. Если вы сможете писать так же интересно, то, наверное, они и вам сделают сайт.

Тут я не выдержала и сардонически расхохоталась.

– Вообще-то я профессиональный работник СМИ, – фыркнула я, все еще продолжая ржать. – И надеюсь, напишу что-то, представляющее большую литературную ценность, чем старческий лытдыбр, интересный лишь пансионерам.

По лицам сотрапезников я поняла, что сморозила что-то очень опасное.

Насколько опасное, я поняла лишь позже. Как выяснилось, я тут не одна такая, кто знает буквы и умеет писать. ВСЕ, практически все (!!!) жители пансиона мечтали написать Роман. И многие даже что-то там писали. В богадельне даже издавался собственный «Лите-

ратурный альманах». Вот хрень! Я ожидала от этого богом забытого места всего чего угодно, но только не этого.

– Вот когда моя мама еще в этом пансионе работала, – трепала своим бескостным язычком девка-сотрудница, – все бабульки к старости тянулись к земле. Вы не представляете, что тут творилось! Каждая бабка – у другой уже и сил нет, чтобы ходить, – требовала себе личную грядку. И как заведенная копалась в ней. Прямо какой-то инстинкт, мания какая-то. Мне рассказывали, что раньше это у всех старушек такое хобби было. Говорят, даже когда картошку было дешевле купить в магазинах, бабки все равно ползли на эти грядки и втыкали в землю картофелины. И умирали на этих грядках. В мое детство тут все было чем-то засажено, и мама даже не знала, куда этот чертов урожай девать. А теперь вот все по-другому. Все пишут. Все пишут! Хотя чего же тут удивительного? Прежние старухи всю жизнь копались в земле, работали руками и под старость не могли остановиться, а нынешние ста..., то есть дамы элегантного возраста всю жизнь просидели в офисах, давя на клавиши. И тоже не могут остановиться. Прогресс! Но мы поощряем! Мы это с удовольствием поддерживаем. Потому что работа с информацией очень полезна для увядающего мозга...

На пассаже про увядающий мозг мое сознание отключилось...

Когда я проснулась с утра, никакой Роман писать уже не хотелось. Хотелось проявить хоть какое-то креативное разнообразие и умереть на грядке, как умирали наши предки, а не за ноутбуком, как тупые современные старушки. Об этом я и поспешила сообщить в своем «ЖЖ» и на Фейсбуке. После этого я удалила из компьютера все те гениальные идеи, которые складировала в нем всю жизнь в надежде, что когда-нибудь одна из них разовьется в шедевр, про который скажут: «Да за это Нобелевки мало, чтоб такое выдумать!»

Поскольку мои идеальные планы на трехмесячный писательский запой были грубо нарушены вмешательством безобразной действительности, теперь я совершенно не представляла, чем мне заниматься в этой глуши в оккупации страдающих словесным поносом идиотов. Я действительно не представляла, чем еще можно заниматься в этой жизни, кроме как сидеть перед волшебным мерцающим экраном и давить на клавиши. Черт! Почему же я оказалась такой банальностью? Я, всю жизнь считавшая себя страшно особенной личностью, которой обстоятельства не дают самореализоваться! А-а-а-а! «Софья, выпей йаду!» – кричала мне каждая увиденная буква.

Два дня я провела, как Сталин, узнавший о провале восстания (кажется, 1905 года). Он тогда тоже был в тюрьме. И узнав, что его (и не только его) революционное будущее накрылось медным тазом, он впал в жесточайшую депрессию: неделю он лежал на боку, уткнувшись носом в стену, и тихо плакал. Сталин не вставал. Он не мог есть, спать, он даже был не в состоянии помыться. Лежал, вонял и истекал слезами. Это был паралич воли и стремления к жизни. (Сей занимательный факт я почерпнула в книге Эдварда Радзинского.)

Так вот, два дня у меня был такой же паралич стремления к жизни. Я даже думала, что могу умереть от этого. То есть мне не хотелось жить. Мне не хотелось просыпаться, потому что просыпаться было незачем. И я мечтала тихо умереть во сне. (Втайне я обнаруживала в такой смерти дополнительный бонус: мой подлый сын тогда бы понял, на что обрек меня, ссылая сюда! Он убился бы лбом об стену, и ему всю жизнь было бы в чем каяться. По крайней мере, я тогда могла бы быть уверена, что так просто он меня после такой смерти не забудет и моя могилка долго будет ухоженной. Еще бы, сдал мать в дом престарелых, а она на третий день и окочурилась!)

Надо было что-то срочно придумать, чтобы не сдохнуть от разочарования и тоски. И спасение явилось...

* * *

То ли огорчение мое было не столь велико, то ли я с самого начала была не так уж одержима идеей стать Великой Русской Писательницей, но через два дня я встала и с аппетитом позавтракала. Тем более что за эти два дня молчаливого протеста с суицидальными мотивами никто не обеспокоился моей судьбой и не начал бегать вокруг с охами и ахами: «Что же вы, Софья Аркадьевна, не изволите вставать?»

И я решила стать местным Львом Данилкиным. Если уж эти подлые твари замусоривают своими литературными сорняками все информационное поле, не давая мне вырастить на нем Розу моего Романа, то я выдерну их с корнем! Я затравлю их гербицидами литературной критики, и они освободят мое жизненное (то есть литературное) пространство. Когда в моей голове созрело это решение, я ощутила небывалый подъем. Я даже сделала зарядку, эпиляцию (хотя к старости волосы на ногах почему-то почти перестали расти), покрыла ногти пурпурным лаком, надела свои лучшие стринги и всю брендовую одежду сразу. В таком победоносном виде я отправилась на завтрак.

Кусать я предполагала из-за угла, но сразу больно. Как работник массмедиа, я знала, что для раскрутки нового бренда нужно его прицепить «паровозиком» к бренду уже раскрученному. Чтобы ко мне, как к критику, сразу же начали прислушиваться, стоило крепко цапнуть за больное место ту самую «звезду № 1» Аллочку Максимову. Стоит лишь посильнее ее лягнуть – и вирусная рекламная кампания обеспечена. Оставалось только найти больное место.

На десерт к завтраку я раздобыла распечатки рассказов местной звезды и прямо вприкуску с овсянкой принялась их читать.

– Ах! Ты тоже решила развлечься легким и поучительным чтением? – сказала она, зыркнув на стопку распечатанных листков на моем столе и узнав знакомые буквы.

Я как бы улыбнулась ей в ответ, беззвучно произнесла слово ке-е-екс и пожав плечами.

– Между прочим, у меня в комнате джакузи, если любишь гидромассаж – заходи! – подмигнула Алла. – Поболтаем!

– Обязательно! – энергично закивала я в ответ, как неудобно запряженная лошадка.

Дружить я с нею не собиралась. Я уже присмотрела себе в подруги единственную не пораженную вирусом писательства жительницу пансиона – Наташу Соколову. Эта милая женщина жила в соседней со мной комнате. Хоть с соседством повезло.

– Нет, я сейчас не пишу. Все, что хотела, я уже написала, – усмехнулась в ответ на мой вопрос Ната. – Точнее говоря, у меня осталась одна история, которую я хочу рассказать. Я дала себе слово, что до конца жизни напишу еще одну, и только одну, историю. Но она пока только сочиняется. Она еще не сложилась. – И Ната с загадочной улыбкой протянула мне распечатки произведений Аллы Максимовой, которые я и изучала за завтраком.

Наташа – бывший сценарист. От нее уютно пахнет корицей, а на том столике, где у всех пансионеров светятся ноутбуки, у Наты красуется корзинка с клубками и спицами. И вся она какая-то, как будто из мохера, – такая уютная, мягкая, теплая. И даже ее рыжие вьющиеся волосы умело скручены в клубок на макушке. У нее такие пышные плечи и грудь, что, как только я их увидела, первым произвольным желанием было уткнуться в эти груди носом,

спрятаться в них ото всех и жалобно завывать. И чтобы она гладила меня по голове и утешала. Как мама... Впрочем, это всего лишь фантазия – моя мама так никогда не делала...

Но за ворсистой мягкостью Наты чувствовались жесткость и сила. Четкость и порывистость движений, прямой, как луч лазерного прицела, взгляд и постоянная ломаная усмешка не давали слишком уж расслабиться в ее обществе. «Как будто железобетонную конструкцию для маскировки плюшем обшили, – подумала я про себя. – В общем, тетка что надо. Не размазня, но и не колючка».

Как и ожидалось, прима-райтер Максимова оказалась до отторжения писуча. Так что мне пришлось неделю изучать ее художественное наследие. Самые перспективные цитаты я сразу выписывала в отдельный файл. Параллельно я всеми доступными способами собирала информацию о жизни Алочки до попадания в дом престарелых. Ведь графомана, как известно, делают Писателем не буквы, выстроенные в предложения, а биография. Писатель без биографии, как актриса без ролей, – это не фигура на шахматной доске искусства, а так, бледная тень. И если уж ты хочешь уничтожить пишущего – надо бить сразу и по тексту, и по лицу, и по биографии.

* * *

К сожалению, сайт писательницы Аллы Максимовой, который стряпали для нее наши мужики, еще не был готов. Так что официальных сведений о ее жизни почерпнуть было негде. Зато Алла была очень общительна, и большая часть пансионеров оказались так или иначе в курсе ее биографии. «Начало славного пути» тянуло на сюжетец для героико-любовного романа. С чередой чудес и триумфов воли. И сразу становилось понятно, что это – фейк. Ложь. Выдумка. Наша молодость пришлось уже на то время, когда дедушка Ельцин «работал с документами», то и дело рискуя увидеть слепящий белый свет в конце тоннеля. К тому моменту, когда мы оперились и выпали из гнезда, ребята чуть постарше уже организовали все возможные чудеса и волшебные превращения – для себя, оставив на нашу долю лишь жалкие фокусы, которые не впечатлили бы даже Амаяка Акопяна. И, живописуя, как она научилась вытаскивать из доставшейся от рождения пустой шляпы бесконечно много «белых кроликов», Аллочка явно врала...

Собственно, завершающая часть жизнеописания подтверждала, что в первой части многое недосказано...

Выяснилось, что Алла в буквальном смысле слова сирота казанская, воспитывалась в казанском детдоме, куда попала после смерти матери. Окончила парикмахерское училище и рванула в Москву. Там ее гений оценили, и вскоре Аллочка работала стилистом в одном из самых пафосных салонов красоты.

Годам к тридцати ее осенило, и Алла открыла собственный и очень доходный бизнес. Она догадалась устроить по всей Москве сеть экспресс-головомоек, расположенных рядом с метро. Она поняла, как часто женщинам нужно быстро, буквально за десять минут, помыть голову и сделать укладку по дороге на работу. Или по дороге с работы на свидание.

Период везения венчало очень удачное замужество – Алла выскочила за успешного кинопродюсера Рафаэля Оганесяна.

На этом luck и закончился. Муж неожиданно бросил успешную бизнесвумен, да еще каким-то чудом оставил себе ее бизнес. Все, что было нажито совместным непосильным трудом: парк шикарных машин, огромная квартира на Садовом, загородный дом, – все осталось за ним. После развода Алла оказалась одна в крошечной однокомнатной квартире студии с видом на автовокзал у метро «Щелковская».

Самое загадочное и обидное, что ушел Рафаэль не к какой-нибудь молоденькой актрисе и даже не к смазливой телеведущей, а просто ушел от Аллы. Он больше так ни на ком и не женился, хотя на днях старик отпраздновал семидесятипятилетний юбилей. И это хоть немного утешало Максимову. Она гордилась званием единственной женщины, которой удалось дотащить свободолюбивого Рафаэля до загса.

Алла безуспешно пыталась начать какой-нибудь новый бизнес, но дела не шли. И бывшая звезда гламурного глянца, давшая сотни интервью на тему «быть можно дельным человеком и думать о красе», закончила свою карьеру администратором в заштатной окраинной парикмахерской. А после выхода на пенсию сдала в аренду свою московскую квартирку и поселилась здесь, в пансионе.

– Вначале Алла здесь страшно скучала. Ее даже никто не приезжал навещать, – рассказывала мне во время вечерней прогулки бывшая сценаристка Ната, к которой приезжали трое красавцев сыновей и балетной грации улыбочивая дочка с теплыми серыми глазами. – Мне было ужасно жалко Алку.

– Слушай, а откуда ты знаешь, что этот ее Рафаэль не к какой-нибудь актриске сбежал? – спросила я, кутаясь в кофту и с наслаждением втягивая в себя чуть прохладный майский воздух с запахом костра.

– Да вот уж знаю, – неопределенно покачала головой Ната. – Все-таки одна тусовка. Да и сама посудит: просто роман на стороне крутить он мог и так – без развода. Алка смотрела на это сквозь пальцы – лишь бы животное, как говорится, в стойле было. Если же он всерьез влюбился, то почему не женился? Неужели бы нашлась такая, которая за него не пошла бы? А? Ты вспомни его лет двадцать пять назад – красавец мужчина, харизма, море обаяния, чувство юмора, блестящий «бентли». Что еще надо?

– Это точно, – кивнула я. – Помню, брала у него как-то интервью. Он производил впечатление.

– Так вот, про Алкину жизнь в пансионе, – вернулась к рассказу Ната. – Мы тут к ней все ходили про красоту советоваться, буквально покоя ей не давали – просто чтобы не дать ей зачахнуть от тоски. Ведь когда человек начинает помогать другим, ему уже некогда жалеть себя и огорчаться. А потом она выправилась, засела за ноутбук и стала позиционироваться как писательница. А дальше – ты сама все видишь...

К нынешнему дню Алла отметилась аж в четырех жанрах. Она уже могла гордо называться автором одного рассказа, одной повести, одной новеллы и даже романа.

Я – внимательный читатель. Очень внимательный – из тех, которые с карандашами перелистывают книги и клеят стикеры на страницах. Это, конечно, не оттого, что я так уж уважаю чужое письмо. Это оттого, что я сама всю жизнь хотела писать.

Отмечаю я в чужих книгах те страницы, где сквозь тюлевую ткань вымысла прорывается настоящее, искреннее, выстраданное. Мало людей, способных быть демиургами в полном смысле этого слова и хотя бы на бумаге создавать полнокровные образы абсолютно отдельных, отличных от них людей. Большинство так или иначе пишет с себя. Раскладывает свою личную шизофрению на множество лиц и играет с персонажами, как девочки в детском саду с куклами.

Сидит себе такая Маша в песочнице с голозадыми, вымазанными в песке пупсами и разговаривает на три голоса.

– Ах, принцесса, ну почему же вы не хотите ехать со мною на бал?

– Виконт, я хочу поехать с вами. Но моя мама запрещает мне ездить на бал. Она считает, что я еще слишком маленькая.

– Эй, вы, двое! Если вы поедете на бал, я все расскажу маме принцессы, и она поставит ее в угол!

– Принцесса, хотите я зарублю вашу соседку топором, и никто не узнает, что мы с вами ездили на бал.

– Ах, виконт, вы правда можете сделать это ради меня? Тогда я пойду скорее надевать свое лучшее бальное платье. Подать вам топор?

И сразу все про эту Машу понятно. И про ее семью. И про соседей.

Выписки из творчества А. Максимовой by Софья Булгакова, 26 мая 2039 г.

«Принц на белом «мерседесе»

(повесть)

«Сказки внушают нам, что замуж стоит выходить лишь за Принца на белом коне. Но не бывает сегодня принцев на белом коне, надо с этим смириться. Нынче на конях ездят только жокеи и сельские новозы. Сегодня идеальная партия – принц на белом „мерседесе“. Он ничуть не хуже, а наоборот – намного современнее. Но и тут перфекционизм ни к чему – можно согласиться и на принца на черном, красном, серебристом и любом другом».

Главное, что он – верхом. Конечно, не совсем на коне, а на „мерине“. Разница на первый взгляд не заметна, но ее стоит иметь в виду.

Мерин, как известно, это кастрированный конь, у которого от отсутствия яиц развивается большая тяга к труду. Мерин зверски работоспособен и, в отличие от коня, от работы не откидывает копыта.

Каждый человек заводит животное „под себя“. И уж если нынешние Сказочные Принцы ездят на „меринах“, а не на конях, это неспроста. Но чилдрен! Но фэмили! Овес понажористой и новые подковы – вот и все, что волнует вашего Принца. И работы, работы давай! И не ждите, что он, стоя на коленях, будет умолять вас подарить ему наследника. Он этого просто не умеет. У него и органа такого нет...

Единственный раз, когда Димон заговорил о детях, был таким.

– Слушай, а вот если, допустим, ты случайно сейчас залетишь? Ну, забеременеешь в смысле, что ты будешь делать? – спросил мужу Ксюши.

– Ну... – Ксюша попыталась угадать, что он хочет услышать в ответ на эту провокацию. – Я думаю, мы поступим так, как скажешь ты. Хочешь – оставим ребенка...

– А если нет – то ты сделаешь аборт. Так? – уточнил Димон, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Так, – подтвердила Ксюша.

Муж удовлетворенно кивнул и снова уткнулся в монитор».

«Там, где кончается лак»

(роман)

«В прекрасной самочке все должно быть прекрасно – и душа, и мысли, и поступки. И лак для ногтей у нее должен быть прекрасный – Orly. Один ободранный ноготь может изменить вашу судьбу. Лак может навсегда разрушить ваш luck, если Мужчина Мечты вдруг заметит сколы на блестящем панцире, укрывающем ваш ноготь от жестокости мира, и заусенцы на руке, которой вы пытаетесь залезть к нему в кошелек... Пара нелаковых пальцев, попавшихся ему на глаза, – больше никогда не даст вам второго шанса проникнуть к нему в самое сокровенное место – свой бумажник.

И вы закончите свои дни в жалкой двушке в Бирюлево под бульканье кипящего борща и истошные крики несовершеннолетних детей бедноты. То есть ваших детей. «Следите за руками!» – вот о чем думала Даша, сидя перед маникюршей и пристально наблюдая, чтобы та удалила всю кутикулу с каждого пальца... Luck сегодня ей был категорически нужен. Она даже отключила мобильник, чтобы зловерные агенты из банка перестали ей напоминать про трехмесячную просроченную задолженность по кредиту за «аудиТТ»...

«Если бы любовь не придумали»

(рассказ)

«– Если бы любовь не придумали, я бы хоть раз за все эти годы влюбилась, – рассуждала Элла, задумчиво перебирая шикарные свадебные платья, застывшие перед нею солдатским строем. – Но ведь я же не влюбилась! Ни разочка! За все свои тридцать лет и три года... Спрашивается, почему? Может быть, я не встретила „того самого Бред, бред и бред! Уж с какими-только мужчинами я не встречалась. У меня был и банкир, и нефтяник, и спортсмен, и яхтсмен, даже один мужчина артист. Все как на подбор: и состоятельные, и в хорошей физической форме, и одеты с иголочки, и разговор поддержать могут. В кого же тогда влюбляться, как не в таких, как они, отборных самцов? Но ведь, положив руку на сердце, ни одного из них я так и не полюбила. И если уж ни один из этих лучших и достойнейших мужчин не смог сделать так, чтобы у меня в животе „трепыхались бабочки“, то, судя по всему, это никому не под силу. Если ни про одного из них я не смогла подумать: „Вот с ним для меня и в шалаше будет рай“, то любовь – придумали.

Да и они – любили ли они меня? Если равняться на все эти чудовищные, насквозь ненатуральные фильмы о любви, то нет, не любили. Но если бы такая любовь, на которой делают деньги писатели и киношники, на самом деле существовала в этом мире, разве смогли бы они не влюбиться в меня? Ведь в кого же им влюбляться, как не в такую, как я? Объективно, абсолютно все-все во мне достойно только восторгов, поклонения и обожания. Ум, статъ, стиль, внешность, образование, карьера – всем взяла... Ан нет... Нет любви.

Если бы любовь не придумали, то, конечно, каждый из моих эксов сейчас обмирал бы от отчаяния и цеплялся за подол моего подвенечного платья, не давая переступить порог загса. Однако я вот тут хожу, выбираю свадебный наряд, а они только поздравительные

эсэмэски шлют. И очень правильно, что я наконец перестала ждать этой дурацкой любви, а спокойно выхожу замуж...»

«Три „Биг Мака“ для Золушки»

(новелла)

«Одна писательница как-то заметила, что нет ничего прекраснее и поразительнее жертвенной любви. Всякий хороший фильм, в конце которого зрители рыдают, обязательно о ней – о жертвенной любви. Когда один любящий ради другого готов отдать все, что у него есть. Отказаться от чего угодно. Иногда даже от жизни.

В кино жертвы во имя любви производят на всех очень большое впечатление. И каждый хочет оказаться на месте Кейт Уинслет, ради которой Лео жертвует жизнью. Или на месте Лео, чтобы умереть ради Кейт и тем самым произвести на нее впечатление на всю жизнь. Или на месте Луки и Сабах... Билли Эллиота и его отца... Да, в общем, возьмите любой оscarоносный фильм – и вы поймете, что все они о ней? о жертвенной любви.

Но в реальности все не так, как в кино. В действительности любимые совсем не так уж сильно поражаются жертвам любящих. Они их воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Вот я, например, каждый день совершаю Подвиг с большой буквы П ради любви: я не жру. Я сохраняю девичью – тонкость, стройность и грацию. Ну и где мои законные трогательные слезы умиления со стороны того, ради кого я иду на эту жертву? Когда я отказываюсь от мяса по-французски и профитролей, между прочим, мое сердце рыдает не меньше, чем у короля Эдварда, когда он подписывал отречение от престола, чтобы жениться на своей невысокородной возлюбленной. Однако же над историей Эдварда и его ужасной американской жenuшки обрыдалось полмира, а моя жертва воспринимается с обыденным зевком. Как будто на глазах моего Любимого не совершился маленький подвиг, а проехала регулярная пригородная электричка. И иногда я думаю про себя: „Дорогой, если я тебя когда-нибудь разлюблю, первое что я сделаю, – это пойду и сожру три «Биг Мака». Сразу. В один присест“».

Писателей я читаю, воображая их себе теми самыми Машами в песочнице с голозадыми пупсами в руках. И угадываю, какой из персонажей на каждом из витков сюжета говорит за автора. Вместо автора. Про автора. Подчеркиваю те слова, ради которых Маша и села играть в куклы. Это не так уж сложно. Кстати, именно поэтому я сразу решила, что свою книгу обязательно буду писать от первого лица. К чему это жеманное кокетство «Софья Аркадьевна подумала» да «Иван Иваныч и предположить не мог». Иван Иваныч, как говорится, умер. Те читатели, которые еще помнят буквы и ради которых и стоит портить зрение, совсем не дураки и сразу понимают, что подумала Софья Аркадьевна, а где за Иван Иваныча подумала она же в меру своей испорченности, воображая его своей куклой. А где Софья Аркадьевна и вправду запротоколировала на бумаге чужую, поразившую ее мысль какого-нибудь Иван Петровича.

И, между прочим, ничего удивительного, что в куклы традиционно любят играть девочки, а самыми плодовитыми писателями становятся мужчины. Просто девочки полностью реализуют страсть к игре в «воображаемых людей» в детстве. Они «проигрывают» все приходящие им в голову жизненные сценарии еще в детсадовском и младшем школьном возрасте. А мальчики «дозревают» до этого позже. Когда возиться с пупсами уже не

солидно. И специально для них придумали более «серьезный» вид игры в «дочки-матери», «сестры», «соседи», «соперники», «любовь», «жену и мужа» – писательство. Ну и девочки, недоигравшие в куклы или просто не вышедшие из инфантильного возраста, тоже подаются в Мастера художественного слова. Я такая.

Некоторые мужчины, впрочем, осознают всю инфантильную природу писательства и предпочитают ему компьютерные игры. Вроде и поиграл в «воображаемых людей», а никаких улик не остается – ни верстки, ни бумаги, ни блуждающих по Интернету файлов. После компьютерной игры никто не сможет выскочить перед ним, как прокурор из-за угла, размахивая бумагой: «А-а! Я все про тебя знаю, я читал твои книги! Проследуй-ка за мной, латентный педофил, капрофаг, гомосек и серийный убийца!» В то время как каждая опубликованная буква будет свидетельствовать против тебя и разоблачать тебя до исподнего еще долгие и долгие годы. Жизненный опыт Лимонова и Сорокина – тому доказательство. И думаю, одна из причин того, что после них у нас больше не появлялись столь же отвязные, безбашенные и одаренные писатели. Наверное, они появлялись. Но просто боялись повторения.

Женщинам в этом смысле проще – у них врожденная страсть к стриптизу. В том числе и душевному. К тому же даже самые злостные их воображаемые безумства – лишь детские шалости по сравнению с тем, что можно выкопать в темных подземельях мужского бессознательного.

За долгие годы читательской жизни я научилась безошибочно выделять среди хора персонажей истинный голос автора и находить те слова, которые «с кровью». Те, которые про самого пишущего и от самого пишущего. Я знаю проблемы каждого из ныне живущих писак лучше, чем их личные психоаналитики.

Так что из трудов Аллочки Максимовой я выписывала те цитаты, в которых узнаваемо и безошибочно слышался ее голос. Она сама сдала себя с потрохами.

* * *

Я перелистнула последнюю страницу «Трех „Биг Маков“ для Золушки». Мне было более-менее ясно, откуда у Аллы взялся первоначальный капитал на открытие сети головок и почему они отошли после развода мужу. Я догадывалась, почему у нее не было детей. Я только одного не могла понять: почему же после нескольких лет счастливого сожительства Аллочкин «мерин» ускакал от нее? Ведь она, судя по всему, прекрасно его понимала и была идеальной «боевой подружкой». Что за событие так круто перевернуло тщательно выстроенную Аллину жизнь класса люкс и столкнуло ее под откос? Наверное, это мог бы прояснить Рафаэль Оганесян, но ведь не поедешь же к нему с дурацкими расспросами? Эх, и правда, каков был мужчина лет двадцать назад. Помню, так и зыркал на меня карими глазами, когда я брала у него интервью для какого-то автомобильного журнала о его коллекции машин. И даже приглашал прокатиться на своем «бентли». Кажется, у меня даже телефончики его сохранились в записной книжке. Может ли быть такое, что человек за столько лет не поменял номер мобилы? А почему бы и нет?

Я бросила Алкину рукопись на комод. Взгляд скользнул по календарю-будильнику. Блин! Сегодня-то я уж точно никуда не поеду и вряд ли с кем смогу пообщаться. Сегодня – самый суетный и утомительный день недели: суббота, «детский день».

По субботам в пансион стекались наши детки, чтобы продемонстрировать, что им еще не окончательно на нас начхать и что где-то на периферии их сознания еще маячат наши светлые образы. Действо это было насколько шумное, настолько же натянуто-неловкое.

Детям, по большому счету, нечего было сказать нам. Они жили так же бестолково, как и мы, – да и у кого им было научиться другой жизни? Их занимала покупка новых мебели, козни начальников на работе, пьянство с коллегами, трехгрошовые повышения зарплат и уже начинающиеся болезни.

Вот и мое половозрелое чадо неловко совало мне в руки авоську с какими-то фруктами и бубнило, что квартира моя сдана очень-очень, прямо разочень хорошим людям. И за адекватные деньги. А работы так много, что даже в Сочи слетать на уик-энд с ребятами не удастся. А еще его посылают в командировку в Екатеринбург – у тамошнего филиала что-то слишком малая доля на местном рынке. Надо посмотреть, что там регионалы неправильно делают. А еще у них начинается скоро новый проект, и тут – фанфары! – есть шанс, что он станет руководителем этого проекта. А это значит, переедет на директорский этаж.

– Пора бы, в тридцать-то лет, – буркнула я.

– Мама, мне в сентябре исполнится всего двадцать девять лет, – уточнил сын.

– Какая разница? – отмахнулась я. – Я в твои годы уже была начальником отдела в ведущем журнале.

– Да, и в твоём отделе было два человека, включая тебя, – ровным тоном снова уточнил Петька.

– Вот именно! Я уже людьми командовала в твои годы! А ты все в старших менеджерах ходишь. Мы с твоим папой в твои годы уже худо-бедно, но собственную однокомнатную квартиру купили. А ты прямо как не наша порода. Хорошо, у твоей Даши есть квартира от родителей. А вот не было бы ее? Куда детей рожать будете?

Сыночек сделал вид, что из всего мною сказанного услышал только последнюю фразу, и залепетал про то, что Даша еще, к счастью, совсем не беременна. И вообще, кажется, ей скоро крупно повезет – она познакомилась с крутым музыкальным продюсером и отдала ему свою демозапись. И похоже, со дня на день она оставит свою секретарскую работу и начнет сиять нам звездой со всех голубых экранов сразу. Даша уже и на студию к этому продюсеру ездила два раза после работы, они там профессиональную запись вокала делали. Вот и сегодня она на студии, поэтому он приехал один. «Так что, как ты понимаешь, нам пока совсем не до детей», – резюмировал сынок.

– На студию поехала, вокал писать – ага! – хмыкнула я. – Да, Петя, какой же ты все-таки дурак вырос. Совсем людей не знаешь. Наверное, я тебе мало читала в детстве.

– Ты мне совсем не читала в детстве, – вяло уточнил Петя. – Ты мне покупала аудиокниги. Классику в исполнении лучших артистов – Сергея Безрукова, Евгения Миронова, Олега Меньшикова.

– Да-да, вот именно – аудиокниги в исполнении хора скопцов. А надо было читать, – еще раз вздохнула я.

– Кстати о книгах! Как твой роман? – продолжал поддерживать светскую беседу Петя.

– Контора пишет, – лаконично обрисовала ситуацию я.

Как это ни грустно признать, я не могу похвастаться особо удачным сыном. Он не получился красив, как Брэд Пип, он не поет, как Карузо, не зарабатывает, как Билл Гейтс, и не рисует, как Дали. В общем, Петя звезд с неба не хватает. Но хотя бы и не вышел клиническим идиотом – и на том спасибо. Наверное, я сама виновата в том, что Петя вырос таким, каким вырос.

Честно говоря, я первый раз сама поменяла ему памперс, когда сыну уже исполнился месяц. Просто мама, взявшая на себя заботу о Петьке с первых дней его рождения, отпросилась у меня в поликлинику, и мне пришлось это делать самой. Помню, как я была обескуражена тем, какое это и вправду скучное и малоприятное занятие – растить ребенка. Я всегда знала, что в детях мало радости, что дети – это просто необходимое зло. Это подвиг, который,

сцепив зубы, должна совершить в жизни каждая женщина. Но раньше я знала это чисто теоретически. А тут мне пришлось убедиться в этом лично. Второй раз убеждаться не хотелось, и я предпочла делать вид, что не догадываюсь, почему это Петечка так плачет. Хотя и козе было бы понятно – он снова обделался. И когда мама вернулась из поликлиники и бросилась стягивать с Петюнчика ползунки, чтобы проверить сухость его попки, я впервые в жизни от души сказала ей большое дочернее спасибо. И за этот отдельный памперс, который она виртуозно поменяла на моих глазах, не поморщившись, и за то, что она с самой юности внушала мне: «Только не вздумай рано рожать! Нанюхаешься еще говнеца-то! Насмотришься в жопку-то! Посмотри мир, сделай карьеру, заработай денег. А родить – дело нехитрое, это любая дура может. Ты поживи сначала для себя-то. Не будь такой лохушкой, как я».

Мама родила меня рано – в восемнадцать лет. И очень жалела об этом всю оставшуюся жизнь. Сразу после рождения я была назначена виноватой за все ее жизненные неудачи. Из-за меня она не получила высшего образования («Пока все учились, я ходила беременной и тебе подгузники меняла») и потом всю жизнь прозябала на каких-то малозначимых должностях. Позже, когда ей светило какое-то повышение, я обязательно заболела и шанс уплывал. И в том, что ей пришлось выйти замуж за моего папу, а не за какого-нибудь выдающегося мужчину, тоже была виновата я, слишком рано расположившаяся у нее в животе. Еще я была виновата в том, что мама все время болела и отличалась феноменальной некрасивостью. «Смотри, какая я до родов хорошенькая была, – тыкала она мне в носик черно-белыми фотокарточками. – А вот это уже после родов. Видишь разницу? Видишь, как фигура поплыла? Девочки ведь красоту у матерей отнимают, а мальчики – здоровье, – говорила моя мама. – Вот родишь – узнаешь. Но ты у меня одна за двоих постаралась: и красоту, и здоровье – все забрала. Все я тебе отдала. Пользуйся с умом! А то я уже вся больная из-за тебя, ничем тебе помочь не смогу. Помнишь, ты меня лягнула в живот в два годика? Вот с тех пор у меня желудок так и болит».

В пасмурные дни мама все время держалась за левую грудь. «Ой ломит, ломит, сил нет, – охала она. – Это ты, маленькая хулиганка, в детстве укусила меня аж до слез! Так с тех пор и болит!» Иногда она путалась и хваталась за правую грудь... Не исключено, что туда я ее тоже кусала. Еще у мамы болели руки: «Потаскай-ка такую тяжесть, ты же до двух лет с рук не слезила». А еще – позвоночник. «Думаешь, это шутки – девять месяцев с вот такенным, перевешивающим меня животом таскаться? Ох, и здорова же ты девка родилась!»

Пожалуй, совет «рано не рожай» – единственный из маминых советов, которым я действительно воспользовалась. Просто мне не хотелось выплевывать из своего организма еще одно столь же несчастное существо, как я в детстве. На все остальные мамины советы я забила.

Беременной я ходила со смутной брезгливостью, как будто бы в животе у меня прописался не человеческий детеныш, а зубастик из фильма «Чужой». Я с ужасом ждала того дня, когда Оно все-таки вылупится на свет, чтобы испортить мне всю жизнь. Но мама не позволила ему это сделать. Она вовремя изолировала Петьку от меня, а меня от Петьки, взяв на себя все заботы о моем позднорожденном чаде. Она опять принесла себя в жертву мне, как делала это всю жизнь. Поскольку ее жизнь представлялась мне загубленной с самого начала, то есть с ее восемнадцати лет, то я эту жертву приняла. Все равно уж ее судьба безвозвратно превращена в бочку дегтя с моим рождением – еще одна ложка говнеца погоды не сделает.

– Ну вот и повидались, – завершила я неловкую беседу с собственным сыном. – В следующие выходные можешь не приезжать. Чего тебе столько времени на дорогу тратить? Двести километров – это не шутки. Побереги силы. На работе пригодятся. Даше привет!

Я проводила Петю до машины, зачем-то потащив с собой ту самую авоську с фруктами, которую привез он. Она больно била меня по ногам, но возвращаться в комнату, чтобы

оставить ее, не хотелось. Это растянуло бы во времени и без того не очень приятную процедуру прощания с Петькой.

– Ну вы, мама, если что понадобится, звоните. – Сын неловко и скованно чмокнул меня в щеку.

Непонятно почему, иногда мой сын вдруг переходит со мной на «вы». Каждый раз я от этого просто бешусь. И он это прекрасно знает. Но почему-то продолжает мне «выкать», особенно в публичных местах.

– Я тебя просила, перестань называть меня на «вы». – Во мне тут же поднялась волна раздражения и на это дурацкое «вы» и на его неловкость. – Люди подумают, что я тебя усыновила, под кустом каким-то нашла. Мама я тебе родная или кто?

Я крепко пожала ему руку. Пожалуй, даже слишком резко дернув ее, но, слава богу, без вывиха. Развернулась и пошла. Авоська продолжала хлестать меня по ногам. Я слышала, как он завел мотор и поехал. Я оглянулась. Он притормозил перед лежащим полицейским на выезде с территории пансиона и заглох. Я отвернулась и больше уже не оглядывалась. Почему-то хотелось плакать.

При мысли о слезах я сразу вспомнила Натку и то, как мне при первой же встрече захотелось уткнуться ей носом в груди и порыдаты. Ноги мои сами завернули в сторону Наткиной комнаты, а рука сама постучала ей в дверь.

* * *

От моего стука дверь сама собой распахнулась. Я обломалась: вожденная Наткина грудь уже была занята. В нее уже рыдали, уткнувшись носом. И это была не Наткина дочь Надя, которую я прекрасно запомнила с прошлого «детского дня». Это истекала слезами Катя – дочка другой жительницы пансиона, Татьяны, тихой и незаметной, как будто мешком по голове ударенной женщины.

Таня у нас была персоной почти незаметной в обществе. Говорила она тихо и мало. За вечерним покером она всегда отсиживалась в уголке – без карт, просто наблюдая за игрой. А уж если Татьяна и открывала рот, все слова произносила с извиняющейся полуулыбкой, как будто бы заранее просила прощения за то, какую глупость она сейчас сморозит. И при этом нещадно принималась теребить свою незамысловатую прическу каре, выкрашенную в самый черный цвет, какой-только есть в лореалевской палитре. Недалекие женщины обычно думают, что-только черная краска способна тщательно закрасить седину. Думаю, и в покер Таня не играла, чтобы не давать окружающим доказательств слабости ее соображалки. И вот, ее довольно симпатичная дочка обнаруживается рыдающей в комнате Наты. Интересно, по какому поводу?

Ната приложила к губам палец. Я понимающе кивнула и тихо прикрыла дверь. Автоматически достала из сыновней авоськи яблоко, откусила и направилась в холл. Приближалось время коллективного просмотра новостей.

Хотя у каждого из пансионеров в номерах имелись персональные телевизоры, новости и восьмичасовой сериал мы предпочитали смотреть все вместе. Так хотя бы появлялись общие темы для разговоров и вырабатывалось некое чувство единения.

– Что с твоей дочкой? – спросила я у Татьяны. – У нее все в порядке?

Таня даже вздрогнула – настолько неожиданным было для нее, что я с нею заговорила.

– Да, у нее все отлично, она недавно уехала, – по-мышинному улыбнулась в ответ Татьяна.

– Хм... Ты уверена? – Я не хотела выступать для нее источником информации. Если уж ее дочь сидит и тайно плачет в комнате другой женщины – наверное, на это есть причины.

Я досмотрела сериал и новости. В новостях не было ничего важного – по крайней мере, третью мировую войну никто по-прежнему не объявил. Можно было спокойно отправляться спать.

По пути в свой номер мне хотелось заглянуть к Нате, но я не решилась.

Она постучала ко мне сама. Села в типовое кресло с инвентарным номером и по-хозяйски полезла в авоську с фруктами, привезенными сыном. Выбрала красное яблоко. Мне почему-то стало жалко для нее этого яблока, но я промолчала.

– Ты что-то хотела, когда заходила сегодня днем? – спросила Ната.

– Ага, еще как хотела, – кивнула я, выискивая под матрасом утаиваемый от персонала вискарь. – Поплакать на твоей груди хотела, очень уж она мне нравится. Как увидела ее в первый день, сразу подумала – уж если захочется порыдать, то непременно тебе...

– А что так? – спросила Натаха таким тоном, как будто бы ее совершенно не удивило мое признание, а ее грудь – такое место общего пользования для грустящих.

– Сына проводила, и как-то взгрустнулось, – сказала я, наливая себе вискарю и жестом предлагая Нате.

Она кивнула. Я достала второй стакан.

– Любишь его? Скучаешь?

– Да... – неопределенно помахала ладонью я, как будто в ней был веер и я им обмахивалась. – Смешанные чувства. Не то что бы я его прямо люблю всасос, но мне бы хотелось, чтобы он меня любил. А в этом я не уверена. Он со мной на «вы» говорит, как с чужой. И вообще он такой неловкий вырос. Я вот думаю, когда я сдохну, он же даже с копателями могил не сможет договориться. И закопают меня где-нибудь около дороги. И пробегающие мимо собаки будут срать на мой памятник. А он будет забывать ездить на мою могилу. Точнее говоря, даже не будет вспоминать про нее. А ведь у меня, по большому счету, больше никого нет. Никого не осталось... Муж умер, мама тоже... Никого...

Опять захотелось плакать, и я быстро выпила свой виски. Ната тоже опрокинула свой стаканчик. Виски взбодрил.

– Петя у тебя желанный ребенок?

– Планированный, – после некоторой заминки ответила я.

– Много планированных, да мало желанных, – покачала головой Ната. – И это многое объясняет.

– А чего это Танькина девица у тебя рыдала сегодня? – сменила я тему.

– Ну, у нее же с моим Олегом роман, а он ее обижает. Жаловаться приходила.

– Да?! – искренне удивилась я. – Надо же, какое совпадение! У твоего Олега роман с Танькиной Катькой, и вы с Татьяной оказались в одном пансионе!

– Чего же тут удивительного? Они тут и познакомились. Олег приезжал навещать меня, а Катя – Татьяну. – Ната посмотрела на меня, как на несмышленьша.

– А, ну да, – сообразила я. – И давно это у них роман? Так вы с Танькой породниться надумали?

– Думаю, они расстанутся, – уверенно произнесла Ната. – Слишком уж они похожи. Людям, чтобы держаться вместе, надо быть разными. И сегодня я ее к такому исходу готовила...

Мы еще немного выпили и помолчали. Я прилегла и сама не заметила, как уснула.

* * *

С похмелья я чуть было не проспала завтрак. Хотя сегодня к утренней овсянке проснулся бы даже мертвый – пансион оглашали завывания. Я выскочила с помятой рожей в коридор и добежала до холла, куда подавали завтрак, чтобы понять, кто орет.

В кресле, заламывая руки, сидела Аллочка Максимова и картинно убивалась.

– Что, кто-то наконец сказал ей, что ее романы – полное говно? – успокоившись, спросила я у седой лесбиянки Нины, к которой все жители нашего пансиона испытывали смешанные чувства. Ни женщины, ни мужчины не хотели принимать ее в свою компанию, и потому она держалась особняком. Впрочем, кажется, ее это не особенно напрягало. Она давно ушла в себя и не думала возвращаться.

– Нет, – ответила Нина, выводя какие-то каракули на своем листке. – Рафаэль Оганесян умер.

– Неудивительно, – успокоилась я. – Старику уже было глубоко за семьдесят.

– Но он был ее единственным мужем, – ответила Нина и посмотрела в сторону Леночки. Таким взглядом, как будто Леночка была единственной женой Нины и тоже собиралась помереть.

Все уже давно заметили, что наша лесби слишком уж интересуется бывшим медицинским работником Леночкой, особой демонстративно-правильной, что давало основания предполагать за нею бурную молодость и замысловатые грехи. Заметила атипичное Нино внимание и сама Леночка и переживала по этому поводу много неловких моментов. Все с большим любопытством ждали, удастся ли Нине совратить всю такую правильную из себя Леночку к нездоровому сожительству.

При том, что никто не хотел тесно сблизиться с Ниной, всех она занимала и о ней много судачили. Она всюду ходила с пачкой бумаги, нарезанной на клочки размером с ладонь, и постоянно что-то на этих листках писала. Из левого кармана джинсов она доставала чистые листки, а в правый складывала исписанные. По утрам у нее топорщилось левое полужолие, а по вечерам – правое. Никто точно не знал, чем она занималась до попадания в пансион. Ходили слухи, что она была копирайтером в каком-то крутом рекламном агентстве и придумывала слоганы. Мол, оттуда у нее и осталась привычка писать коротко. Наши мужчины все собирались как-нибудь проникнуть в комнату Нины, выкрасть у нее пачку этих листков и открыть наконец страшную тайну – что же она такое непрерывно пишет на своих огрызках?

Новость о смерти Рафаэля наделала шума. В телевизоре столь же древние старики, как и сам Оганесян, вещали о его неоценимом вкладе в российское теле- и киноискусство. У нас же в пансионе все больше обсуждали не поддающееся оценке наследство покойного. И завистливо смотрели на Алку.

Кинематографическая и телевизионная Москва тоже с интересом ждала новостей от юристов Оганесяна. Конечно, телевизионщиков и киношников заботили не его квартиры и машины, а доля покойного в основанных им продюсерской компании и киностудии. Этот бизнес он выстраивал всю жизнь, умело привлекая капиталы со всех сторон, но при этом неизменно сохраняя за собой статус совладельца. С каждым укрупнением компании доля Рафаэля в ней становилась все меньшей, но все-таки оставалась весьма заметной.

В то утро, когда у пансиона урчало допотопное бензиновое такси, источая знакомый до слез аромат выхлопных газов и заглушая неродной носу москвича запах цветущей вишни, все знали – это Максимова едет в Москву на открытие завещания. Кроме нее на эту проце-

дуру к нотариусу пригласили только ближайшую родню – благополучно дожившую до старческого слабоумия старшую сестру Рафаэля и парочку его племянников предпенсионного возраста. Сопровождать Алку на столь нервное мероприятие напросилась Ната. На правах ближайшей пансионной подруги, вдохновительницы и утешительницы ей это было позволено. И вот они, несмотря на позднейшую жару, обе в чем-то черном и душном, шествуют к авто мимо растянувшихся на шезлонгах пансионеров. По пути они промокают испарину под носом «клинексами», изящно приподнимая солнцезащитные очки, что придает им особо траурный вид. Громко хлопают дверцами такси. Точнее говоря, обеими дверцами хлопает Ната. Она услужливо усадила скорбящую в меру своих способностей Аллу на просторное заднее сиденье и закрыла за нею дверь. А сама села рядом с водителем, деловито подобрав длинную в пол траурную юбку, прежде чем шелкнуть своей дверцей. Мало того, прежде чем подобрать юбку, она легким движением ладони стряхнула с подола желто-рыжую пыльцу одуванчиков, которой в эти дни как молотым карри был приправлен весь пансион.

Да уж, Натка всегда помнит о деталях и никогда не теряет головы. Даже в самой волнительной ситуации. Удивительно, неужели это та самая Ната, которая совершила в жизни четыре, на мой взгляд, чудовищно безрассудных поступка: она родила четверых детей. Одна. Без каких бы то ни было мужей... Наверное, это к старости она наконец стала такой осмысленной и осторожной.

* * *

Четверых Наткиных детей я увидела на вторую субботу после моего приезда в пансион. Честно говоря, я не могла и подумать, что все они рождены одной матерью – настолько они не похожи друг на друга. Я бы скорее поверила, что Ната, увлеченная по молодости Анджелиной Джоли, последовала примеру актрисы и впала в раж усыновления. Тем не менее, как уверяет Натка, все три парня и одна дочка рождены ею лично. Но... от разных отцов. Наташка наотрез отказывалась говорить об отцах своих детей, а на все мои расспросы отвечала одно: «Поверь мне, все они – изумительные мужики. Кроме одного».

– Почему же ни один из этих изумительных мужиков не женился на тебе? – ехидничала я.

– Мне этого было не надо. Если бы я каждый раз, забеременев, выходила замуж, то потом мне пришлось бы рожать детей уже только от одного мужа. Тогда я не собрала бы свою замечательную детскую коллекцию.

Наткин подход к материнству был сильно не тривиальным. Каждым из своих детей она гордилась, как каким-то почетным трофеем, как «Оскаром» или выигранным в лотерею миллионом. Как творец – совершенным произведением искусства. Ее перло от них так, как будто бы ей какой-то невероятной ловкостью удалось завладеть подлинниками «Моны Лизы», «Девочки на шаре», «Тайной вечери», «Черного квадрата» и «Девятого вала» одновременно.

Такой сдвиг по фазе у нее произошел не сразу – после первых родов. «Я вдруг поняла, какое чудо случилось: я родила совершенно нового, особенного человека – такого, которого раньше никогда на свете не было. Я почувствовала себя немножко богом. Меня накрыла такая эйфория, что я туг же захотела родить еще. И еще. Всюду, где бы я ни появлялась, я жадно высматривала отца для своего второго ребенка. От кого бы еще такого классного родить? Как художник смешивает краски, предвкушая поймать какой-то диковинный, особенный оттенок, я думала только о том, с кем бы еще таким себя смешать, чтобы результат поразил меня саму. И тогда же я поняла, что не хочу рожать от одного и того же мужика дважды. Все время рожать от одного – это все равно что художнику однажды создать шедевр, а

потом всю жизнь делать его копии и вариации. В этом уже нет драйва новизны и нет творчества».

Сколько бы Натка ни создавала атмосферу абсолютной секретности вокруг отцов своих детей, этим вечером она не могла уже больше скрыть имя одного из них.

* * *

Из города Алка и Ната вернулись почти одновременно, но на разных машинах. Траурность с их рож осыпалась, как вчерашний макияж. Натка делала лицо ошарашенной невинности, Максимова не могла скрыть разочарованного бешенства. Обе метнулись в свои комнаты и замерли там. Держать интригу им удалось недолго. С утра уже даже столовские тараканы знали: все огромное наследство Оганесяна досталось совсем не той единственной женщине, которая сумела дотащить его до загса, – Аллочке Максимовой. А единственному сыну, о существовании которого общественность даже не подозревала, – Наткиному отпрыску Вагану.

Двадцатидевятилетний Ваган в кодле Наткиных детей выглядел совсем не родным. Чернявый, кудрявый, на коротких гнутых ногах и с широченной спиной, он втискивался в ее комнату как кресло в стиле ар-деко: внушительный и избыточно праздничный одновременно. Барочная веселость и склонность к эффектам делали его постоянным ньюсмейкером не слишком-то интенсивной пансионной жизни. В каждый приезд Вагана наши старухи с нетерпением ждали его очередной выходки, чтобы потом долго обсасывать ее в разговорах. Так, однажды он приволок полный багажник каких-то чудовищно уродливых глиняных гномиков величиной с кошку и выстроил их угрожающим клином под Наткиным окном. В другой раз он притащил с собою попику, который забаррикадировался в Наткиной комнате, а Ваган заманивал и запихивал туда пансионеров, с шутками-прибаутками уговаривая исповедаться. Он привозил гадалок и астрологов, психологов и поваров виртуозов, присылал Натке «живые открытки» – артистические мини-труппы, которые песней и пляской выражали ей сыновнюю любовь и передавали, что с ним все в порядке. Он беззастенчиво «тыкал» всем уже после пятой минуты знакомства. И даже я не заметила, как стала для него Софочкой, а не Софьей Аркадьевной, как для всех остальных отпрысков пансионеров. Невозможно было не поддаться его постоянно приподнятому настроению. Как выяснилось, он не напрасно радовался жизни и постоянно ждал от нее приятных сюрпризов и чудес.

Сегодня он стал ньюсмейкером не только для пансионеров, но и в масштабах всего Садового кольца. Надо признаться, что он был к этому готов: человек, снимающий рекламные ролики для самых мажористых компаний, конечно же и себя умеет подать в самом привлекательном свете.

Лично я внутренне аплодировала выбору Рафаэля Оганесяна: действительно, более удачного наследника его империи трудно было придумать. Конечно же Ваган годился в вожак киноиндустрии куда как лучше, чем подмороженная треска Максимова.

Все остальные тоже не очень-то сочувствовали Максимовой. Но не потому, что так уж радовались за Вагана. А потому, что Алка моментально из местной звезды-триумфаторши стала лузером. Ее поражение за пределами пансиона оказалось крупнее по масштабу, чем здешние победы, и полностью их застило.

В отличие от наших родителей, мы не испытывали жалости клузерам. Это наши мамки и папки обожали о ком-то поахать, не прилагая при этом никаких усилий помощи, а только причитая: «Ну, должен же кто-то помочь, защитить, спасти, позаботиться, добиться, пожа-

леть!» Мы же с циничной честностью предпочитали допинать неудачника, чтоб не мучился и даже не надеялся, что кто-то бросится на помощь.

Всю сознательную жизнь нам пытались привить, да так и не привили, уважение к победителям. Вместо того чтобы научиться благоговеть перед успехом, мы выучились ядовито насмехаться над лузерами. Это была максимально доступная нам прививка «культы успешности».

Мы не могли научиться любить победителей. Потому что каждый из нас, несмотря на выцарапанные ногтями атрибуты социальной состоятельности, все равно ощущал себя принадлежащим к поколению лузеров. Ведь никто из нас, позднекоммунистических детей, не стал так же богат, как Абрамович, не стрелял по парламенту, не купил телеканала и не изобрел новый вид топлива, не построил свою киностудию и не получил «Оскар».

Мы проиграли еще до того, как вступили в игру. Призы, за которые нам предложили бороться, были «стеклянными бусами», не имевшими реальной ценности. Чем мы могли похвастаться? Иностранным внедорожником, который скоро станет ржавой горой металлолома? Выплаченным двадцатилетним кредитом за двухкомнатную конуру в жопе мира? Или тем, что когда-то у нас были служебные машины с водителем? Или тем, что в Яндекс рейтинге блогеров некоторые из нас добивались до первой десятки? Настоящие победители предыдущего поколения захватывали реальные земли, заводы, телеканалы, а мы веселились, деля виртуальную песочницу. И каждый из нас, гордо вешая на грудь цацку «топ-блогера в Рунете», конечно же осознавал, что эта победа – истинное поражение. За бравадой наших победителей слышалась тоска суицидально настроенных лузеров. И, вербально истязая кого-то, кто оказался еще большим неудачником, «наши» получали специальное удовольствие, сравнимое с кайфом средневекового монаха, предающегося самобичеванию.

Словом, Ваганова удача с завещанием ухудшила и Алкин, и Наткин имидж в глазах пансионного комьюнити.

– Ну что, красотка, наш зоопарк на тебя окрысился, – доложила я Соколовой обстановку, завалившись к ней на следующий день.

Натка перебирала спицами, громоздя плотно сбитый шарф цвета абсента.

– Да плевать я на них всех хотела, – нервно отмахнулась Натка, подтягивая нитку. – Единственный человек, перед которым мне реально неудобняк, это Алка. А остальных это дело совершенно не касается.

– А что тебе Алки-то стесняться? Не ты же завещание писала? – фыркнула я. – Нельзя же, в самом деле, быть такой наивной дурой, как она, и ждать, что мужик, который ее тридцать лет и видеть не хотел, вдруг оставит ей хоть сломанный унитаз? Дожить до морщинистого декольте и верить в такую голливудщину? Что она, совсем, что ли, идиотка? Тогда ей вдвойне полезно узнать кое-что о жизни.

– Это понятно, но все равно неудобняк, – вздохнула Натка. – Она очень в это верила. Вся прямо в предвкушении ерзала. Строила уже планы, как она меня главой сценарного офиса назначит, и все такое. Мы же с ней здесь реально подружились. А теперь, выходит, я ей два раза за жизнь нехило карты спутала.

– Да ну, брось ты Алку жалеть. Глядишь, она в чувствах наконец какой-нибудь годный рассказец слабает. Нервишки способствуют вдохновению. По-моему, тебе сейчас стоит не о ней думать, а планировать антикризисную пиар кампанию. Тебя тут с каждым днем любят все меньше и меньше. И чем дольше ты тут будешь отсиживаться, перебирая клубочки, тем хуже.

– Вязание очень помогает думать, – сосредоточенно ответила Натка. – Поверь мне, наше старичье – это не самая большая моя проблема, это я в пару дней разрулю.

– Что, есть геморрой посерьезнее?

– А то!

* * *

Проблемы у Натки и вправду обнаружились не детские. Хотя именно дети и довели Соколову до истерического состояния.

Выяснилось, что ни одно из Наткиных чад до вскрытия завещания не знало, кто его папаша. Но каждый всегда страстно желал знать. И вот теперь, когда не по Наткиной воле Вагану сообщили, что отец его был столь велик и блистателен, остальные тоже страстно возжелали правды. К законному любопытству деток примешивались меркантильные ожидания и мелкое тщеславие. Они наконец поверили, что каждый из них и вправду рожден от очень «особенного и изумительного мужчины», о чем мать твердила им с рождения и чему они очень слабо верили до смерти Рафаэля. Теперь же они пачками скупили глянцевого и деловые журналы и с лупой начали изучать всех более-менее заметных ньюсмейкеров, ища фамильного сходства. «Они меня за горло берут, они меня просто душат своими вопросами», – шипела Соколова. Но для правды время еще не наступило. У многодетной матери была сто и одна сравнительно веская причина играть в игру: «Это мои, и только мои дети. Это моя, и только моя детская коллекция».

Во-первых, как выяснилось, далеко не все папаша были так блистательны, как Оганесян. И Натке не хотелось тем самым сеять между детками зависть и вражду. Во-вторых, если некоторые отцы, как Рафаэль, жаждали поучаствовать в судьбе своих детей и так и рвались с отпрыском пообщаться, задарить и наставить на путь истинный, то кое-кто, наоборот, поняв, что дело пахнет токсикозом, настойчиво требовал аборта. «Ты понимаешь, сейчас они все равны, все верят, что у них хорошая генетика, скрытые таланты и где-то бродят любящие их отцы, а тут они узнали бы, что кто-то из них был для отца совсем не желателен, а у другого папаша – не такой уж талант, как я рассказываю, – объясняла Натка. – Я поэтому и Рафаэлю запрещала с Ваганом как отцу с сыном общаться, просто заклинала его. Представляешь, что стало бы со старшими – с Олегом и Сашкой? У них пап нет, а у Вагана – есть, да еще и такой?! Думаю, они уже не были бы так дружны. А на всех троих у Рафаэля, конечно, отцовской энергии не хватило бы. Да и не был он готов к тому, чтобы принять чужих детей как своих. К тому же я не верю, что, узнав имена своих отцов, ребята смогут так же похоронить это знание в себе, как я. Тут же ведь полезут знакомиться, писать письма, визнавать подробности, начнут болтать. А многие из тех, кому правда окажется неприятной, еще живы. Это же только Оганесян так впечатлился тем, что женщина не хочет от него ничего, кроме ребенка, что еще лет пять мне проходу не давал, а у кого-то семья, другие дети. Зачем людям такой трабл устраивать в виде внезапно свалившихся новых родственников? И вообще, почему им меня мало? Зачем им еще кто-то? Простой эгоизм, и я не собираюсь идти у них на поводу. Я решила рассказать им правду, только если переживу всех, кого эта правда может ранить. Поэтому, как понимаешь, мне надо жить долго-долго. Только вот с Алкой и Ваганом косяк вышел. Но я правда не хотела, чтобы Рафаэль уходил от Алки. Я его даже уговаривала с нею остаться. Но он уже не мог».

После чтения книг Максимовой я уже понимала, почему Оганесян не мог оставаться с Алкой после встречи с Соколовой. Но выслушать эту историю от первого лица мне все равно было ужасно интересно.

* * *

Наташа Соколова работала в компании Рафаэля чуть ли не с самого ее основания. Она удачно попала в первый «сценарный призыв», когда новорожденному кинобизнесу срочно

потребовалась орава дешевых, непритязательных и незашоренных мыслями «о великом» писак, чтобы потоком выдавать сериальное мыло. В первые годы она находилась на той нижней иерархической ступени творческих кадров, которая исключала личное общение с Главным Творцом киностудии. А стоило ей подобраться к той ступеньке, на которой уже возможно было личное столкновение с Великим и Ужасным, как она оказывалась беременной и оставалась все там же – в диалогистах сюжетчиках. Чтобы столкнуться с Рафаэлем нос к носу, надо было добраться как минимум до сторилайнера – именно они ходили на совещания в самый большой кабинет, доносили креативные разработки сценарной группы и приносили сверху Ценные Указания и Мегаидеи.

К двадцати восьми годам Натка, несмотря на препятствия в виде беременностей, которые она сама себе чинила, все-таки смогла выбиться в Главные авторы, и ей доверили разработку совершенно оригинального сериала и даже дали в подчинение сценарную группу. Несмотря на то что сериал предполагался совершенно «наш», совладельцами студии к тому времени уже стали американцы, и без их одобрения ничто в производство не запускалось. Янки же вникали в дела дотошно: им мало было ознакомиться с общей концепцией, они норовили поправить каждый диалог. Для чего все написанные серии переводились с русского на английский, а потом – в поправленном виде – обратно. Они жадно выедали мозг русским сценаристам, беспощадно расправляясь с их временем и самолюбием.

Согласования обычно проходили по ночам, как раз когда над Калифорнией вставало солнышко и бодрые голливудцы, нажравшись низкокалорийных хлопьев, вымоченных в соке, испытывали прилив бодрости, сил и болтливости. В это же время московский сценарный офис проводил на ногах уже часов шестнадцать и едва ворочал языком и мозгами. Словом, силы были не равны. В это время и начинался конференц-колл с американщиной.

За столом в московском офисе собирались сам Рафаэль, главный автор, двое сторилайнеров, главный редактор сериала, исполнительный продюсер и креативный продюсер. По громкой связи, с трудом подбирая английские слова, наши пытались отстоять свой креатив, а ихние – доказать, что все, что они получили накануне по электронке, беспомощный шит. Обстановка временами делалась довольно нервная, и некоторые творческие кадры впадали в оцепенение, подобное летаргическому. Отключались, как будто у них вылетали пробки, предохраняющие нервную сеть от слишком большого напряжения. Люди попросту засыпали прямо на рабочем месте. Никогда не засыпал только один человек – Рафаэль. Он мог связно и уверенно гнуть свою линию на неродном ему языке Шекспира, не сбиваясь на русский и армянский и не впадая в прострацию, до четырех – пяти утра. Сохранять энергетический баланс ему помогали заранее припасенные термос кофе и бутылка коньяка, которые он смешивал в стеклянной кружке в разных пропорциях. С каждым часом доля коньяка в кружке увеличивалась. Пожалуй, утренний коктейль правильнее назывался бы коньяком с кофе, а не кофе с коньяком.

Вместе с Оганесяном до конца держалась и Наташка. Это другие уже не первый год ночевали в офисе, а у нее это был первый самостоятельный и потому по-настоящему будоражащий кровь проект.

Октябрьской ночью, когда в хороших московских домах правильные девушки лежали в пуховых перинках и видели радужные сны о новых норковых шубках, а в лужи планировали снежинки первопроходцы, мать двоих детей Наталья Соколова нервно грызла ручку в залитой сырно-желтым электрическим светом переговорной. Пипл вокруг медленно, но верно застывал на стульях в неестественных позах и начинал похрапывать. Натку подвешивал этот пофигизм, и она как будто нечаянно под столом попинывала коллег мягким носком утепленных кроссовок. Рафаэль мешал оригинальные коктейли. Наташка отчаянной наседкой защи-

щала свое детище, кудахча в селектор: «But, but, but! Listen! Listen!» И лихорадочно искала нужные английские заклинания, то бросаясь к словарю, то умоляюще глядя на начальника: «Как это будет ин англиш?» То подсовывала ему под руку заранее написанные «отбойники» на возражения америкосов. Может, она и не умела быть убедительной в телефонном разговоре с Америкой, но заранее просчитать, к чему там на этот раз придерутся, ей было вполне по силам. Натка сама не заметила, как на полусонном автомате схватила кружку Рафаэля и, не поморщившись, вылакала его кофейно коньячную бурду. И тут же сама налила себе добавку – уже чистого коньяка. Он в ответ молча протянул руку к центру стола для заседаний, взял оттуда чистый стакан, плеснул в него коньяка, подвинул Натке и потянулся за своей кружкой.

– Я схожу помою ее! – вяло трепыхнулась, изображая раскаяние, Ната.

Рафаэль только отрицательно покачал головой. Хмыкнул и приглашающе приподнял брови. Натка поняла без слов: взяла стакан. Чокнулись.

Конечно же еще задолго до этого эпизода Оганесян был оценен Наткой как вероятный и перспективный отец ее ребенка. Его жадность к жизни, энергичность, авантюризм, несомненный талант и задорная доброжелательность давно отложились в ее мозгу в короткую формулу: «Хочу такого же пацана себе. Навсегда». Но она долго не знала, как подступиться к Рафаэлю. Тем более что она хорошо знала его жену Алку – та то и дело появлялась на студии, когда надо было разработать общий визуальный стиль для актеров очередного сериала. Максимова сгоняла всех актеров в переговорную, смотрела на них, разговаривала, а потом ссылала к себе в салон, откуда они выходили уже настоящим ансамблем, каждый со своим характерным образом, чтобы зритель не путался в одинаковых блондинках с голубыми глазами на экране, пытаясь понять, новый ли это персонаж или та же девица, что показывали и в предыдущей сцене. Алка была безусловно хороша: холеная, с подтянутой фигурой нерожавшей женщины. Умело вколотый антиморщинный ботокс слегка парализовал ее лобик (от мимических морщин удивления) и верхнюю губу (от скорбных складок), что придавало ее лицу легкую маскообразную пикантность. Всю палитру эмоций она научилась передавать одним взглядом – вероятно, из нее вышла бы неплохая актриса. Всегда благоухающая, как-только что из салона красоты. Впрочем, именно из салона она и приезжала на студию. В отличие от Натки, которая мчалась в офис то из поликлиники, то из детского сада, то, как сегодня, из детского магазина. Наташка уже даже ощущала легкую депрессию: ей казалось, что она сильно поторопилась, когда принялась выстраивать свою жизнь под «детскую коллекцию». Очевидно, что уже с двумя детьми она сделалась не слишком-то привлекательна для мужчин. Она выглядела слегка старше своих ровесниц. У нее вечно не хватало времени на важное: маникюр, солярий, педикюр, перманентный макияж, массаж, пилинги, сауны, чистки и анти эйдж процедуры. Ну, хорошо, третий малыш, может, еще как-то и сложится. Неужели на этом все и закончится, а она делается совсем малопривлекательной, преждевременно потерявшей кондицию старухой?

Она еще не знала, что именно дети ей и помогут снова поверить в себя и понять, что все она делает правильно. Что она очень разумно инвестирует свое сегодняшнее время в будущее – куда как более разумно, чем растратить его на лежание на косметическом столе, на обжимания массажиста, обертывания и поглаживания косметички, касания маникюруши.

В седьмом часу утра – по просыпающемуся, но еще не захлебнувшемуся трафиком городу, Натку вез к дому знаменитый рафаэлевский «бентли», профигурировавший не в одной фотосессии. Соколова впервые оказалась в его кожаном чреве. Рафаэль, не то чтобы кристально трезвый и не совсем бодрячок, все же вел машину куражисто. Но не настолько рискованно, чтобы Соколова захотела выскочить на ходу. Водил Оганесян сам – он не понимал,

в чем кайф покупать машину своей мечты и доверять рулить ею какому-то водителю. За что это шоферу дарить такое счастье? Нет, он хотел сам кайфовать от своей тачки.

Разговаривать уже не осталось сил. К тому же было очевидно, что Оганесяна так увлекает дорога, что всякий треп тут же выбесит его. Наверное, чтобы предупредить всякие потуги на «задушевную беседу», он врубил на полную громкость Black Sabbath. И Натка молчала, вслушиваясь в слова песен.

Только на прощание, отстегивая ремень безопасности, выдохнула:

– Это было... м-ммятежно!

Рафаэль подмигнул в ответ:

– А то!

Натка потянула из салона пакет со сделанными с утра впопыхах в «Детском мире» покупками. Приближался день рождения старшего – Олега. Но без подарка по этому поводу невозможно было оставить и младшего – Сашку. Иначе праздник именин превратится в затяжную и кровопролитную войну между братьями, с воплями и соплями. Из размокнувшего под октябрьским снегодождем пакета вывалились коробки с двумя идентичными моделями машинок.

– Зачем две одинаковые? – с интересом спросил Рафаэль, помогая Натке вытащить из-под сиденья закатившуюся коробку. – Неплохая тачка, между прочим!

– У меня же двое сыновей. И если подарить разные автомобили, то они месяц будут ссориться из-за того, у кого круче. Все как у больших мальчиков! – улыбнулась Натка.

– Крутые парни?

– О! Еще какие!

– Клево покупать сыновьям те игрушки, о каких в детстве и мечтать не мог.

– Ага, и играть в них самому. Так все отцы делают. Покупают детям железную дорогу и сами часами и играют.

– Что, правда?

– Не знаю, – легко пожала плечами Соколова. – Мне подружки рассказывали, что их мужья так и делают. У нас пап нет, поэтому и детям достается поиграть.

– А какие модели у них уже есть? – Рафаэль как будто проснулся.

Натка дернулась, оглянулась на подъезд – из него выкатились двое мальчишек лет шести и трех в сопровождении бабушки. Традиционная для утра процессия, следующая по маршруту «квартира – все попутные лужи – детсад». Пацаны тут же побежали в сторону Наташки.

– А вот сейчас они сами и расскажут! – развела руками Соколова.

Рафаэль, а особенно его тачка, тут же снискали уважение молодого поколения. Старший Олежка даже продемонстрировал знание предмета. «Знаешь, сколько она стоит?» – наставительно дергал он за капюшон младшего брата. «Скока?» – открывал рот младший. «Ты до стольки считать не умеешь!» – пренебрежительно бросил старший и, осекшись, посмотрел на Оганесяна, очевидно опасаясь с его стороны информационной угрозы своему авторитету.

Конечно, парни тут же развели Рафаэля на «прокатиться до детсада», взяли с него слово, что он еще когда-нибудь их покатает, и пообещали показать ему свой автопарк. Попутно они выяснили, нет ли у него случайно еще и пистолета? Для полной крутизны. (Ответ «нет» их не обескуражил и не сильно уронил акции дяди. «Так купи, – посоветовали дети. – В такой машине надо с пистиком ездить, а то по башке хрясь! Бандиты знаешь какие?») Старший похвастался, что уже знает, кто такие геи, и может объяснить дяде, если тот еще не в курсе. Объяснил. И на всякий случай уточнил: не гей ли дядя? (Как раз накануне сыновья настойчиво потребовали объяснить им смысл этого слова, принесенного из детсада, и все еще были под впечатлением от нового знания, всячески ища ему применения.)

– Слышь, мам, – тут же перегнулся к переднему сиденью Олежка. – Дядя не гей, у тебя есть шансы!

Наташка уже тоже поняла, что шансы у нее есть. Качественные дети, даже чужие, производят на некоторых из мужчин стимулирующее впечатление, взбадривают их самцовое начало и пробуждают желание «заиметь таких же». Жизнь вообще устроена странно щедро: работу предлагают тем, кто уже и так пашет; девки вешаются на тех парней, у которых и без них гарем; «ЖЖ» юзеры френдят тех, кто и без того уже тысячник; деньги идут к деньгам, дети – к детям. Все случилось не сразу, но очень естественно.

В ближайшие же дни Натка рекламировала Оганесяну «модную молодежную фишку» – стритрейсинг. Тогда это движение только входило в моду. Раф слушал с интересом. (Да, именно Раф, а не Рафаэль – мужчина внезапно возжелал, чтобы в компании к нему перестали обращаться по имени отчеству и называли бы его запросто, на американский манер – Раф.)

«Ночные гонки, крутые тачки, и все-такие драйвовые-драйвовые. Мне хватило один раз прокатиться с этими парнями, чтобы башню снесло. Адреналин прям из ушей попер!» – зыркала горящими глазами Натка. Оганесян был не против собственными легкими подышать тем же, чем дышит «племя младое незнакомое». И «деловое» объяснение их с Наткой выездам в ночные стритрейсерские поля тоже очень быстро нашлось: Рафаэль как раз собрался развивать бизнес – к сериальному производству добавлялась кинокомпания, снимающая настоящее полнометражное кино. А в кинотеатры, как известно, ходят в основном те, кто еще не отпраздновал свою тридцать пятую весну. И если компания хочет им угодить, то вожак кинематографистов конечно же должен «быть в теме». То, что в его собственном офисе молодых тусуется как бомжей на площади Трех вокзалов и их тоже вполне можно изучать, Раф и Натка как-то благоразумно не замечали.

Словом, они начали ездить «в ночное». Он – выгуливать тачки и «проникаться духом», она – протоколировать умные мысли начальства и обращать внимание на отмеченные им типажи.

Сорокачетырехлетнему Рафу, впавшему в юность, страшно льстило, что в рейсерской среде он тут же стал авторитетом и гуру: гонял он действительно как отморозок. Для приличия в поездки иногда брали еще кого-то со студии. Но этот «балласт» обычно быстро распихивали по чужим машинам – «наблюдать изнутри». Ночь, скорость, риск, экстрим очень способствуют сближению и половому инстинкту. После заноса на повороте или экстренного торможения первая мысль: «Ого! Я же только что мог сдохнуть! Аааа! Я живой!!! Живоооой!» А следом тянет туг же сотворить что-нибудь жизнеутверждающее и жизнепродолжающее. Например, заняться любовью на заднем сиденье.

Быстро и непредсказуемо мчатся машины стритрейсеров, медленно и нервно запускается в производство молодежный блокбастер про ночных гонщиков, и лишь живот беременной женщины растет в неменяющемся тысячелетиями темпе. И созревает в точно положенный ему срок – через девять месяцев.

В конце июля Натка вышла из роддома с подарочно упакованным младенцем на руках. Сына она позволила назвать Рафу так, как он сам захочет, в знак признания его заслуг и участия. Раф нарек его Ваганом. Приехать к роддому он не решился – все-таки он еще был женат на Алке, да Натка и сама не хотела его там видеть. Позже новоиспеченный сорокапятiletний отец признавался, что в последний момент он все-таки воспылал желанием рвануть к роженице, но не смог попасть ключом зажигания куда следует. Ожидая рождения первенца,

Оганесян жестко бухал, запершись на даче, разогнав и жену, и прислугу. А водителя у него никогда не было. В приступах особо острой алкогольной интоксикации он тревожно названивал Натке и спрашивал: «Уже да?» Услышав «еще нет», тут же прерывал связь и от перевозбуждения хлебал виски из горла. Так что, когда Натка готова была доложить что «уже да», обессиленный ожиданием Рафаэль спал тревожным пьяным сном и не услышал ее звонка.

О Рафе и появлении Вагана Натка рассказывала складно, видно было, что она уже не раз репетировала этот рассказ – очевидно, она всю жизнь держала его в уме, чтобы однажды выложить все сыну. Я заслушалась. Внезапно Ната прервала свой рассказ вопросом:

– Помнишь у Максимовой в «Принце на белом „мерседесе“» есть сцена, где героиня разговаривает с мужем о детях?

– Это где он спрашивает, что она будет делать, если вдруг залетит, а она отвечает «Как скажете, повелитель»? – Я тут же поняла, какую именно сцену Соколова имеет в виду. Ох, не зря я выписала этот отрывок в свой «разоблачительный» файл! Так и знала, что это списано с натуры.

– Ага, именно про этот диалог я и говорю. – Натка пристально посмотрела на меня – очевидно, я слегка насторожила ее своим ответом, демонстрирующим слишком уж заинтересованное отношение к предмету беседы.

Но инерция доверительности была уже слишком сильна, и недорассказать она не могла.

– Эта сцена, она не придумана. Это реальный разговор между Алкой и Рафом, – подтвердила мои ожидания Натка. – Только она тогда совсем не правильно поняла смысл происходящего.

– Это был тест для нее, проверка? – Я не стала ради маскировки изображать тупость.

– Да, вроде того, – кивнула Соколова. – Я тогда уже была весьма беременна, и Раф как-то внутренне заметался. Не то чтобы он сразу воспылал желанием разойтись с женой и на мне жениться. Наоборот, поначалу он всячески делал намеки, чтобы я не обольщалась и не рассчитывала. Я, конечно, и не мечтала. Мне и не надо было. Но как-то его слегка переключило. Вот тогда он и задал Алке этот вопрос: мол, а если ты забеременеешь? И она ответила то, что ответила: «Как хочешь, так и будет. Захочешь аборт – сделаю». По-видимому, он ждал других слов. Он решил, что раз она не такая же специфическая тетка, как я, не спит и видит общих детишек, то она его на самом деле не любит. Тут его и понесло: «Представляешь, она готова была убить моего ребенка! И говорит, что любит! Да она, при случае, и мне аппарат искусственного дыхания отключить сможет». Переубедить его было уже невозможно. Впрочем, не буду врать, что я особенно пыталась. Ну и вскоре они разошлись. Алка, по-моему, даже толком не поняла почему. Раф ведь такой: если уж он принял решение, вычеркнул человека из своей жизни, то уже не считает нужным тратить время на разъяснение «политики партии». Алка, похоже, тогда решила, что всему виной первые морщины, и еще старательнее обкололась ботоксом. Возможно, если бы тогда в их отношения не влезла я, рано или поздно они вместе дозрели бы до ребенка. А тут у Рафа уже крышак слегка снесло, он считал, что все девушки мира спят и видят его отцом своих детей. А Максимова, похоже, тоже была в таком от себя восторге, что, как и он, ожидала, что ее о наследнике будут умолять, стоя на коленях. Помнишь, у нее в одной из книжек тоже такой пассаж есть, мол, не тот нынче пошел мужик – не падает ниц с мольбою о детях? Оба же, блин, звезды. Никто не готов был другого уговаривать.

* * *

Пока наши престарелые девушки делили сердце покойного Оганесяна и пересчитывали его наследство, я с грустью поняла, что, в сущности, напрасно потратила время на изучение книжек Максимовой. В сложившейся ситуации, когда над нею не усмехался только тот, у кого паралич лица, надавать ей литературно критических пинков было бы совсем уж моветоном. В сущности, вера в свои литературные таланты – последнее, что у нее сегодня осталось. Если ее еще и на писательском ринге размазать, она ведь может и повеситься с горя. Я тетка желчная, но не жестокая, и брать грех на душу не хотела. Так что мне срочно пришлось искать новый объект приложения своей язвительности.

Я снова начала изучать пансионный литературный ландшафт. В местном альманахе мой взгляд радостно зацепился за морализаторски-мрачные мистические рассказы, опубликованные под псевдонимом Т. Esperto. Написаны они были плохо, без всякой живости, как будто бы авторша кропала их с того света. Я прочитала парочку историй про неотвратимую силу судьбы, знаки и неизбежную расплату за каждый неосторожный плевок, и сатирический памфлет о товарище Эсперто складывался у меня в голове уже сам собою. Навязчиво просились заголовки, в которых Эсперто, разумеется, рифмовалось с «Э, сперто!» и затерто.

Но что-то не давало мне от души оттянуться и высмеять дамочку (а я ни секунды не сомневалась, что такие панические рассказы могла написать только женщина). Какая-то звериная серьезность текстов, отсутствие всякого намека хотя бы на черный юмор настораживали.

Так, в одном из этих эзотерических опусов мальчик из детской жестокости утопил котенка. А потом, когда он вырос и стал отцом, дети, движимые тем же живодерским импульсом, схватили за ноги его купающегося сына и неосторожно утопили. Папаша, конечно, тут же прозрел, что эта кара небесная послана ему за сгубленного в детстве котика. Этот грех он решил искупить всем остатком своей жизни, дежуря возле Птичьего рынка и спасая брошенных в конце торгового дня под прилавками котят.

Еще в одном опусе Т. Esperto злопамятная судьба наказывала нерадивую девушку, которая забывала поливать цветочек, доставшийся ей в наследство от умершей мамы. Она до того засушила растение, что, когда однажды все-таки притронулась к нему, сухоцвет рассыпался в труху. Ржавая пыль, покрывшая подоконник, напомнила девушке прах кремированной матери, и тут она поняла, какой страшный проступок совершила. И что никогда ей теперь этот страшный грех не замолить.

Так оно и вышло: когда девушка состарилась, то и ее дети забыли о ней, как о старой герани. Они не приносили ей в дом денег и продуктов и даже не звонили по телефону. Старушка очень страдала, но не захотела чтобы попросту позвонить детям и спросить: «А не надо ли с внучатами посидеть? Или белье в химчистку сдать?» Нет, она не делала таких глупостей, а пыталась наладить ситуацию единственно верным (по ее мнению) способом – мистическим. Пыталась вырастить новую герань на мраморной доске в колумбарии, за которой стояла урна с прахом ее матери. Но сколько бы старушка ни сажала гераней на камне, ни одна из них не принималась. Каждая из них умирала и рассыпалась в руках в пепел – точно так же, как-тот самый роковой цветок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.